

Фарыма В.И., Ладыгина А.И.

ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ ФРАНЦУЗОВ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА

В статье с позиций основ международного гуманитарного права освещается положение солдат французской армии – участников войны с Россией 1812 года, оказавшихся в русском плену и получивших статус военнопленных.

Ключевые слова: военнопленный, комбатант, некомбатант, Отечественная война 1812 года.

История человечества – это и история войн. За последние пять тысяч лет состоялось свыше 14 000 войн. В них погибло приблизительно 5 млрд людей, а за последние 3400 лет на Земле было лишь 250 лет общего мира.

Стремление ограничить жестокости войны проявлялось на различных этапах развития человечества. В древнеиндийском эпосе Махабхарата и Законах Ману содержалось запрещение воинам убивать врагов, если они были выведены из строя, то есть не были в состоянии сражаться. Раненые военнопленные должны были быть отправлены на родину после выздоровления.

В Древней Греции запрещалось убивать противника, который снимал шлем, показывая, что сдаётся. В средневековой Европе существовали детально расписанные правила ведения боев между рыцарями и обращения с пленными.

Появление огнестрельного оружия, в том числе артиллерии, централизация власти в феодальных государствах способствовали дальнейшим шагам по регулированию положения раненых, больных, военнопленных, а также женщин и детей в ходе военных действий. Командующие сражающихся друг с другом армий стали заключать соглашения (картели и капитуляции), в которых устанавливалось неучастие в войне женщин, неприкосновенность раненых, уважение к их имуществу. В Европе между 1581 и 1864 гг. было заключено около трехсот таких соглашений¹.

Наиболее известное из них – Договор о дружбе и мире, заключенный между Фридрихом Великим и Бенджамином Франклином в 1785 г., включал обязательство сторон воздерживаться от блокады и право

гражданских лиц – подданных каждой воюющей стороны покинуть территорию, затрагиваемую войной. По истечении установленного срока военнопленные получали право на то, чтобы сторона, во власти которой они находились, содержала их. Новые подходы к вопросам войны и мира и ограничения жестокостей войны наиболее ярко проявились в работе голландского юриста Гуго Гроция «О праве войны и мира». Гроций исходил из того, что каждое государство обладает неотъемлемым правом вести войну. При этом справедливая причина объявления войны не может быть поводом для нарушения ее правил воюющими сторонами. Насилие в войне имеет свои пределы, связанные только с такими усилиями, которые необходимы для победы, а не для наказания тех, кто войну проиграл. Поэтому, если это допускается условиями, в которых протекает война, и гражданскому населению, и воюющим должна быть сохранена жизнь².

Эти идеи привели другого мыслителя – Жана-Жака Руссо – в его работе «Об общественном договоре» к выводу о том, что поскольку война есть система отношений между государствами, то люди, сражающиеся на стороне государства как солдаты, обладают особым статусом, отличающимся от положения лиц, не принимающих участия в войне, то есть мирного населения. Но как только солдат из-за ранения или болезни выводится из строя, он перестает быть врагом. В таком случае его жизнь, как и жизнь любого лица из состава мирного населения, должна быть сохранена. Более того, она должна быть защищена государством. Закрепление принципов, разделивших население на комбатантов (воюющих) и некомбатантов (мирное

население) и установивших право военнопленного на жизнь, должны были существенно ограничить жестокости войны³.

В Отечественную войну 1812 г. число пленных в России, по мнению историков, составляло более 200 тысяч человек. Причем около 150 тысяч находились в спешно организованных спецлагерях и 50–60 тысяч – непосредственно у населения.

По высочайшей воле, для транспортировки пленных были определены два направления – юг (Тамбов – Одесса) и восток (Поволжье и Сибирь). В особом положении оказались поляки, бывшие подданные России или потенциально считавшиеся подданными, – особенно из литовских (нынешняя Белоруссия и Литва) и заднепровских (Воынь и Подол) губерний. Они рассматривались, во-первых, как изменники, во-вторых, как военнообязанные. Поляки были почти сразу отправлены на воинскую службу – в Терское и Сибирское казачьи войска. Пленные образовывали целые поселения. Заметное поселение сформировалось в городе Усть-Сысольске, это нынешний Сыктывкар. Один из его пригородов до сих пор называется Париж. Есть поселения с такими названиями в Челябинской области, Дагестане, Краснодарском крае, Грузии.

Старших офицеров отвозили, как правило, в Петербург, где они проживали во вполне комфортных условиях. Часть пленных распределяли по крестьянским дворам как работников. Иногда конвоировавшие пленных казаки продавали наполеоновских солдат и офицеров зажиточным крестьянам и помещикам. В редком дворянском доме не встречалось бы пленного француза-гувернера. Некоторые помещики записывали пленных в свои крепостные, лишь немногим из них удавалось потом получить свободу, паспорта и отбыть домой.

С января 1813 г. в газетах стали появляться объявления на итальянском и французском языках с просьбой прибыть на сборные пункты. Это относилось именно к тем пленным, кто во время отступления Великой армии остался в деревнях или попал в плен, разъезжая по русским селениям

в поисках провианта. Прося милостыню и ночлег, они обращались к местным жителям *cher ami* (фр. – «дорогой друг»), поэтому называли их шаромыжниками.

Состав пленных был многонациональным: здесь были французы, итальянцы, испанцы, португальцы, поляки, швейцарцы, пруссаки, саксонцы, венгры и так далее. Это попытались использовать, направив пленных воевать против французов.

Из пленных испанцев и португальцев был создан Александровский полк. В июне 1813 г. этот полк в составе 3738 солдат и офицеров на семи английских судах был отправлен из Риги в Испанию сражаться против французских войск.

Была предпринята попытка сформировать из пленных голландцев, бельгийцев, швейцарцев, хорватов франко-итальянский легион в Орле, но массовой записи в него не последовало.

Пленным, которые воевать не отправились, для улучшения материального положения разрешалось устраиваться на работу.

Было введено новое денежное содержание пленных. Унтер-офицерам, рядовым и нестроевым положен был солдатский провиант и 5 коп., обер-офицерам – 50 коп., майорам – 1 руб., полковникам и подполковникам – 1 руб. 50 коп., генералам – 3 руб. Порционные деньги требовалось выдавать на 7 дней вперед⁴.

По воспоминаниям капитана Карла Вагевира, офицерского содержания – 50 копеек в день для офицеров чином ниже майора – хватало, чтобы жить хорошо, особенно по местным меркам. Все стоило очень дешево. Например, за 25 ободранных зайцев просили 4 копейки. Тушки замораживались и считались между пленными деликатесом. Правда, местное население не употребляло зайцев в пищу, считая их чем-то вроде кошек, а использовало только шкурку. Рядовой Кристоф Циммерман полагал достаточной для проживания сумму в 5 копеек в день. «Фунт лучшей говядины стоил 12–16 пфеннигов (7,5–10 коп.), фунт хлеба – 8 пфеннигов (5 коп.). Капуста и огурцы, выращивавшиеся повсеместно, стоили и того меньше»⁵.

Циркуляром Министерства внутренних дел России от 4 июля 1813 г. французским военнопленным разрешалось принять русское подданство. Письменную присягу «на временное или вечное подданство России» мог приносить любой солдат или офицер армии Наполеона и жить затем «вольным человеком» в любом месте Российской империи. Нижние чины принимались через министерство торговли и промышленности, а офицеры – через министерство полиции. В двухмесячный срок новообращенные подданные обязаны были избрать род занятий и сословие (дворян, мещан, крестьян), в противном случае с ними стали бы обращаться как с бродягами. Мастерским даровался ряд льгот: их записывали в мещане, освобождали с момента принятия присяги на 10 лет от всех податей «для обзаведения домом и хозяйством», гарантировали свободу вероисповедания. Желавших принять русское подданство среди пленных было много. Французские пленные, проживающие в Оренбургской губернии, не желая казаться чужими среди своих одностаничников, переменили свои прежние французские фамилии на русские и таким образом затерялись в общей массе казачьего населения так же, как утратили свои прозвища потомки французов, оставшихся в Бугульминском уезде.

Самые известные российские фамилии, ведущие род от офицеров и солдат Наполеона, – Драверты, Лансере, Кюи, Бойе, – это как раз потомки таких гувернеров. Считается, что Французовы, Гусаровы, Капраловы – это тоже потомки наполеоновских солдат. Большинство осевших в России комбатантов брали исконно русские фамилии. Вилье превращались в Велировых, Бушены – в Бушневых, Сент-Бевы – в Сентебовых, Матисы – в Матисовых. Актерская династия Менглет – тоже от пленных французов. Певец Эдуард Хиль – потомок наполеоновского испанского офицера. Внук Сталина, режиссер Александр Бурдонский, тоже имеет пращура – комба-

танта, правда, по женской линии. От комбатантов Великой армии вели свой род Феликс Дзержинский, советские полководцы Михаил Тухачевский (его предком был наполеоновский офицер Гаспарини), Константин Рокоссовский (его прадед – уланский лейтенант Наполеона)⁶.

В ноябре 1813 г. Кабинет министров утвердил Правила приема военнопленных в российское подданство. В циркуляре оговаривалось право индивидуального контракта для мастеровых, но только если они добровольно поедут на указанные в контракте завод или мануфактуру. Вводились и ограничения по географии расселения. Так, в стратегических районах (Польше, Прибалтике, Финляндии, Бессарабии, Белостоке и Тернополе), а также в Москве и Петербурге селиться запрещалось (впрочем, относительно двух столиц эти ограничения особо не соблюдались). В 1836 более 2,5 тыс. бывших солдат и офицеров Наполеона проживали в Москве и Московской губернии. В двухмесячный срок пленные, желавшие остаться в России, должны были вступить во временное (от 2 до 10 лет) или вечное подданство. Всего к середине 1814 года русское подданство приняло примерно 60 тысяч пленных. Большинство из них стали ремесленниками, рабочими и мастерами на казенных мануфактурах и фабриках, а некоторые – владельцами частных мастерских. Среди них были гувернеры, камердинеры, владельцы лавок и приказчики-продавцы. Некоторые записались в сословие казаков. Большинство предпочитало записываться во временное гражданство. Указом от 17 августа 1814 г. была дарована свобода «военнопленным всех наций, присягнувшим на подданство России, возвратиться, буде пожелают, в их отечество». Вместе с тем правительство «признало полезным поощрить пленных к оседлости в России». К сентябрю 1814 г. первая партия репатриантов в 2 тысячи человек собралась в Риге и вскоре на французских судах была отправлена в Гавр.

Примечания

1. Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. – Международный комитет Красного Креста, 1994. – С. 27.
2. Гроций Г. О праве войны и мира. – М. : Ладомир, 1994. – 868 с.
3. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты ; пер. с фр. А. Д. Хаютина, В. С. Алексеева. – М. : КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 416 с.
4. ГАКО. – Ф. 32. – Оп. 19. – Д. 626. – Л. 607; Сб. исторических материалов, извлеченных из канцелярии его императорского величества. Вып. 14. – СПб., 1914, Ч. 2. – С. 148.
5. Wagevier C.J. Aanteekeningen gehouden gedurende mijnen marsch naar, gevangenschap in en terugreize nit Russland in 1812, 1813, 1814. – Amsterdam, 1820; Belay H. Memoires d'un grenadier de la Grande Armée. – Paris, 1907; Voyage d'un officier francais, prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet Empire, du côte de l'Asie. – Paris, 1817; Fuzellier D. Journal de captivite en Russie. 1813-1814. – Boulogne, 1991; Bourgoing P. Le prisonnier en Russie. – Paris, 1815; См.: Фюзейе Д. Дневник русского плена. 1813-1814 гг.; пер. с фр. // Лепта. – 1992. – № 3. – С. 152-165.
6. Привалов К. Осколки Империи // Комсомольская правда. – 2012. – 1 августа.

Фарыма Владимир Иванович, преподаватель кафедры социальных дисциплин и управления факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета).

Ладыгина Анастасия Игоревна, студентка группы № 250 Факультета Экономики и управления Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета).